

либерал

Юрген Хабермас

Новая структурная
трансформация
публичной сферы
и делиберативная
политика

An illustration at the bottom of the cover shows several hands of different skin tones (brown, tan, and dark brown) holding up various pieces of paper and documents in shades of green, yellow, and white. The hands are positioned as if presenting or discussing the documents, symbolizing public participation and deliberation.

Юрген Хабермас

**Новая структурная
трансформация публичной сферы
и делиберативная политика**

«НЛО»

2022

Хабермас Ю.

Новая структурная трансформация публичной сферы и
делиберативная политика / Ю. Хабермас — «НЛО», 2022

ISBN 978-5-44-482358-4

Спустя 60 лет после публикации своей классической книги «Структурная трансформация публичной сферы» (1962) Юрген Хабермас – ключевая фигура в современной политической философии – вновь возвращается к этой теме. Продолжая подчеркивать центральную роль публичной сферы для политической жизни Запада, Хабермас прослеживает существенные изменения, которая она претерпела под воздействием цифровых медиа и социальных сетей. В целом пессимистически оценивая новую цифровую трансформацию и констатируя деградацию публичности, философ, однако, анализирует и позитивные тенденции, а также отвечает на многостороннюю критику. Подводя своеобразный итог своим трудам в области политической теории и социологии, автор приходит к выводу, что западные режимы не могут всерьез претендовать на самоназвание «демократии» без реального вовлечения граждан в дискуссию о том, что касается каждого члена общества. Юрген Хабермас (р. 1929) – политический философ, почетный профессор Франкфуртского университета, один из наиболее значительных представителей второго поколения Франкфуртской школы.

ISBN 978-5-44-482358-4

© Хабермас Ю., 2022

© НЛО, 2022

Содержание

Тимур Атнашев	7
Татьяна Вайзер	11
Предисловие	16
Размышления и гипотезы о новой структурной трансформации политической публичной сферы	17
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Юрген Хабермас

Новая структурная трансформация публичной сферы и делиберативная политика

Юрген Хабермас
Новая структурная трансформация публичной сферы и делиберативная политика

Новое литературное обозрение
Москва
2023

Jürgen Habermas
Ein neuer Strukturwandel der Öffentlichkeit und die deliberative Politik

Suhrkamp Verlag
Berlin
2022
УДК 32:1
ББК 66.01
Х12
Научный редактор Т. Вайзер

Перевод с немецкого Т. Атнашева
Юрген Хабермас

Новая структурная трансформация публичной сферы и делиберативная политика /
Юрген Хабермас. – М.: Новое литературное обозрение, 2023.

Спустя 60 лет после публикации своей классической книги «Структурная трансформация публичной сферы» (1962) Юрген Хабермас – ключевая фигура в современной политической философии – вновь возвращается к этой теме. Продолжая подчеркивать центральную роль публичной сферы для политической жизни Запада, Хабермас прослеживает существенные изменения, которая она претерпела под воздействием цифровых медиа и социальных сетей. В целом пессимистически оценивая новую цифровую трансформацию и констатируя деградацию публичности, философ, однако, анализирует и позитивные тенденции, а также отвечает на многостороннюю критику. Подводя своеобразный итог своим трудам в области политической теории и социологии, автор приходит к выводу, что западные режимы не могут всерьез претендовать на самоназвание «демократии» без реального вовлечения граждан в дискуссию о том, что касается каждого члена общества. Юрген Хабермас (р. 1929) – политиче-

ский философ, почетный профессор Франкфуртского университета, один из наиболее значительных представителей второго поколения Франкфуртской школы.

Рисунок на обложке: © Picture by Maria Petrishina on iStock

ISBN 978-5-4448-2358-4

© Suhrkamp Verlag Berlin 2022

All rights reserved by and controlled through Suhrkamp Verlag Berlin.

© Т. Атнашев, перевод с немецкого, 2023

© Д. Черногаев, дизайн обложки, 2023

© ООО «Новое литературное обозрение», 2023

Тимур Атнашев Новый Хабермас?

Возвращаясь к теме своей первой и до сих пор самой известной книги «Структурная трансформация публичной сферы» (1962), классик современной политической философии продолжает дело своей жизни и указывает на центральную роль обсуждения, дискуссии или *делиберации* для политической жизни Запада. В 2019 году 90-летний Юрген Хабермас закончил двухтысячестраничную историю философии, подтвердив статус ведущего интеллектуала¹. В настоящей совсем небольшой работе, опубликованной в 2022 году, он осмысляет новую структурную трансформацию публичной сферы в конституционных либеральных демократиях в эру социальных сетей и цифровизации. И развернуто отвечает на несколько типичных ошибочных интерпретаций своей мысли о роли публичности и делиберации. В качестве философского основания, проработанного за 60 лет, прошедших с момента публикации докторской диссертации, Хабермас использует концепцию рационального *дискурса* как критической дискуссии. Ретроспективно теория публичной сферы и теория коммуникативного действия стали важной частью большого делиберативного поворота в политической мысли второй половины XX – начала XXI века, о чем свидетельствует подзаголовок². Для российского читателя в новой книге, возможно, откроется новая позиция классика по ряду ключевых вопросов³. Эволюция мысли и языка Хабермаса отвечает установке на полемику, которую он неустанно ведет с широким кругом собеседников в диапазоне от ведущих представительниц политфилософии феминизма и представителей республиканизма до мировых религиозных лидеров⁴.

Новый Хабермас не ожидает, что в большинстве случаев политические силы и представители гражданского общества могут на деле достичь *консенсуса* по вопросам текущей политики, он не очень высоко оценивает потенциал компромисса и считает его сделкой по интересам, признает важность *агональной* политики, очень критически оценивает эффект дискуссий в социальных сетях на развитие публичной сферы, признает множественность публичных сфер и важность реальной политики, а также, расходясь с Руссо, считает достаточным, чтобы граждане платили за *общее благо* лишь мелкой монетой. Однако ядро его исходной программы остается актуальным, и оно связано с критической важностью функционирования публичной сферы для демократии. Возвращаясь к истокам, в заключительной статье немецкий мыслитель подтверждает приверженность критическим установкам Франкфуртской школы в отношении негативной циклической динамики капитализма и ее деструктивного влияния на политическую публичную сферу, которая нуждается в философской и практической защите.

Диагноз Хабермаса о влиянии социальных медиа с их свободой от посредников и бесплатным моментальным доступом каждого пользователя к миллиардам людей во всем мире снова отрицательный. Публичная сфера деградирует под воздействием больших интер-

¹ *Habermas J.* Auch eine Geschichte der Philosophie. Suhrkamp, 2019. О статусе мыслителя см.: *Habermas global: Wirkungsgeschichte eines Werks* / L. Corchia, S. Müller-Doohm, W. Outhwaite (hrsg.) Frankfurt a. M., 2019; *The Cambridge Habermas Lexicon* / Ed. by A. Allen, E. Mendieta. Cambridge, 2019.

² «Deliberative democracy has been the main game in contemporary political theory for two decades and has grown enormously in size and importance in political science and many other disciplines, and in political practice» (*Bächtiger A., Dryzek J. S., Mansbridge J., Warren M.* (eds.) *The Oxford Handbook of Deliberative Democracy*. Oxford, 2018. P. 4). В качестве более ранних обзорных работ см.: *Fishkin J., Laslett P.* (eds.) *Debating Deliberative Democracy*. Wiley-Blackwell, 2003; *Thompson D. F.* *Deliberative Democratic Theory and Empirical Political Science* // *Annual Review of Political Science*. 2008. Vol. 11. P. 497–520.

³ К сожалению, рецепцию идей философа в России осложнило не очень высокое качество перевода на русский язык классической первой книги Ю. Хабермаса. См.: *Юдин Г.* Рец. на кн.: Хабермас Ю. Структурная трансформация публичной сферы (2016) // *Философия. Журнал высшей школы экономики*. 2017. Т. 1. № 1. С. 123–133.

⁴ См. статью Т. Вайзер «Другой Хабермас?» (Наст. изд. С. 13–14).

нет-платформ, нацеленных на извлечение прибыли от рекламы и увеличения количества кликов. Если в традиционных медиа центральную роль играл издатель и редакция, которые фильтровали качество аргументов и проверяли источники информации, то в социальных сетях жанр свободной от обязательств частной переписки смешивается с жанром публичной коммуникации – каждый может стать автором без необходимости нести ответственность за свои слова.

Посредник между автором и читательской аудиторией, выглядевший как ограничитель свободы слова, оказался главным гарантом стандарта содержательной дискуссии. Без посредников, *фильтрующих* доступ к публике, эхо-камеры миллионов людей, разделяющих предубеждения и предпочтения друг друга, придают легитимность самым крайним и плохо отрефлексированным аргументам или видимость достоверности фейковым и никем не проверенным новостям. Проверка фактического положения дел, как и качество текста, перестает быть необходимым условием доступа к аудитории. Напротив, редакции традиционных медиа создают пространство мейнстрима, в котором люди разных убеждений вынуждены слушать и слышать аргументы с разных сторон и держаться проверенных фактов. Вывод философа заключается в необходимости политической и правовой регуляции коммерчески ориентированных социальных сетей, отныне формирующих важнейшую часть публичной сферы, но не способных выполнить ее основные функции и усиливающих расколы и взаимное недоверие граждан.

Предложим далее наш краткий вариант разбора типичных ошибочных интерпретаций ключевых положений Хабермаса, которые вполне характерны и для российского интеллектуального контекста. Вероятно, главное недопонимание и критика связаны с указанием на утопический и идеалистический способ обоснования важности публичной сферы. На это устойчивое и в некоторых случаях непоколебимое сомнение Хабермас отвечает несколькими тезисами. Никакая современная демократия в крупных территориальных государствах, «заслуживающая этого названия», невозможна без сносно действующей системы распознавания, усиления и преобразования различных голосов и точек зрения, представляющих разные общественные группы, в совместную политическую волю. Без этого условия мы в самом лучшем случае получим систему механической агрегации предпочтений, но не получим *легитимности* принятых таким образом решений⁵. Почему даже честный подсчет голосов без обсуждения не дает демократической легитимности? Потому что в таком случае речь де-факто идет о численном превосходстве большинства как угрозе силой для меньшинства по вопросам текущей повестки. Ни честного подсчета голосов, ни представительской демократии недостаточно для устойчиво работающей демократии.

Мы можем отметить близость этой аргументации *неоримской концепции свободы* как недоминирования Квентина Скиннера и республиканской модели Филипа Петтита⁶. Хабермас утверждает, что такое восприятие легитимности законов заложено в ткани тысячелетней западной юридической культуры и закреплено как базовое требование в *революционных конституциях* и декларациях Нового времени. Но как в больших республиках можно реально учесть мнения миллионов граждан?

Хабермас настаивает, что рациональность и дискурс в западной традиции фундаментально связаны с представлением о возможности обсуждения как совместного поиска лучших аргументов и новых решений, включая возможность обсуждать и оспаривать не только интересы, но и общие нормы и ценности. Философские штудии зрелого мыслителя в области теории коммуникативного действия были призваны показать, что критический диалог по поводу общего жизненного мира представляет антропологическое основание рациональности. *Ком-*

⁵ О центральной роли опросов как замены демократических механизмов см.: Юдин Г. Общественное мнение, или Власть цифр. СПб., 2020.

⁶ См.: Скиннер К. Свобода до либерализма, Республика, СПб., 2020; Петтит Ф. Республиканизм. Теория свободы и государственного правления. М., 2016.

коммуникативное действие в отличие от стратегических и инструментальных взаимодействий по своей природе нацелено на понимание другого⁷. Греческая философия и римское право, усвоенные многими поколениями через систему образования, суды и парламентские дебаты, на практике культивировали и усилили эту человеческую способность к обсуждению. В конституционных демократиях для того, чтобы решение большинством голосов было минимально легитимным для тех, кто с ним в данный момент не согласен, нужна сфера для содержательной и критической дискуссии, в которой в пределе у каждой заинтересованной группы есть реальный шанс убедить остальных и изменить их мнение не только перевесом голосом. Без этого шанса, без самой этой возможности как горизонта спора обмен аргументами лишь отражает исходное соотношение сил и мнений, а значит, обсуждение не даст нового результата.

Более того, граждане должны на деле верить в эту возможность, как и в то, что политическая система в принципе отражает и их запросы. Публичная делиберация и эффективно действующая система публичных сфер позволяет решить проблему *инклюзии* разных позиций для миллионов граждан, включая мнения находящихся в меньшинстве. Теряя веру в возможность поменять мнение оппонентов или колеблющихся сограждан по важным вопросам и веру в то, что их интересы и убеждения реально представлены политиками, люди массово обращаются к ярким популистам, которые олицетворяют и укрепляют недоверие граждан к демократическим институтам. Социальные сети ведут к росту влияния популистов и к изоляции их горячих последователей от других групп. Именно делиберация, в которой мы можем рассчитывать изменить точку зрения других участников, придает смысл базовой норме конституционных демократий Нового времени – закон как высшая форма регуляции легитимен, только если он принят при участии всех, кого он либо его следствия касаются.

Таким образом, вклад Юргена Хабермаса в политическую философию во многом заключается в указании на фундаментальную важность и необходимость самой возможности переубедить другого. Симметричным следствием этого принципа является наша готовность поменять и свою собственную точку зрения в ответ на аргументы другого. Мыслитель на протяжении более 60 лет, систематически переосмысляющий и интегрирующий самые разные области научного знания и философии для усиления своих аргументов, показывает, что сама основа рациональности связана с общей *установкой на истину* в споре. Убежденность в истинности своих аргументов не ведет к согласию и консенсусу, но заставляет нас спорить и лучше понимать друг друга, обосновывая свою позицию. То есть заставляет переходить от высказывания заранее готовой позиции к аргументации, где консенсус задает лишь горизонт. И эта же убежденность дает нам полное право говорить «нет» (*Neinsagen*), но продолжать обсуждение. В свою очередь, задача обосновать свою позицию требует от каждого переходить от уровня предпочтений и интересов к более общему уровню прояснения и согласования норм, ценностей и общего блага. И хотя в нормативной области нет окончательных аргументов и фактов, здесь возможна рациональная дискуссия и возможно изменение ценностей. Философская установка на истину – фундамент *Res publica*, без которой любая дискуссия без остатка свелась бы к соотношению сил. Но насколько важно соотношение сил и ресурсов по сравнению со слабой силой делиберации?

Хабермас последовательно рассматривает возражения «реалистов» двух типов (агрегативную модель и модель экспертократии) и по существу принимает их, но оставляет за собой встречные аргументы. Собственно, исходный жест первой «Структурной трансформации» заключался в указании на деградацию публичной сферы под воздействием структурных социально-экономических и политических сил постоянно развивающегося капитализма – корпоративные интересы и лоббизм, бюрократизация государственных учреждений, зависимость от социальной помощи госструктур и консюмеризм граждан, пиар и пропаганда лишают

⁷ См.: *Habermas J. The Theory of Communicative Action. Vol. 1. Beacon Press, 1984. P. 57–95.*

общество специальной области, где возможна рациональная дискуссия. Философ начал свою карьеру с указания на силу социально-экономических структур⁸. Но практическая оценка эволюции западных демократий и философские аргументы в пользу критической делиберации как основы рациональности остаются ядром концепции политической публичной сферы Хабермаса. Несмотря на давление «реальных» интересов, экспертов и медиаструктур содержательные дебаты помогают не просто выявлять индивидуальные предпочтения и интересы (позиции), но позволяют каждый раз пересобрать их в общую и легитимную политическую волю.

В качестве аналогии к этой главной и, кажется, не вполне понятой линии аргументации Хабермаса мы можем обратиться к известной схеме Даниеля Канемана, выделяющего в нашем индивидуальном мышлении интуитивную, автоматическую и бессознательную Систему 1 и сознательную, рациональную и трудозатратную Систему 2⁹. В подавляющем большинстве случаев люди принимают решения автоматически и интуитивно, используя быструю Систему 1, которая на самом деле позволяет находить эффективные решения. Но для новых и при этом сложных задач, в условных 5% случаев человеческий мозг активизирует более медленную и местами менее надежную Систему 2, которая должна попробовать построить рациональную модель новой реальности, часто ошибается, но способна рано или поздно находить принципиально новые и более адекватные решения на основе лучшей модели реальности. И именно эти 5% неуклюжего рационального мышления делают нас *Homo sapiens*, а не только умными и ловкими животными. Действующая политическая публичная сфера, теснимая интересами, страстями и пропагандой, – аналог 5% рациональных решений человека разумного для демократических сообществ, без которых мы не заслужили бы этих двух гордых названий. Критики Хабермаса сфокусированы на 95%, но в обеспечении оставшихся нескольких процентов разумной дискуссии и заключается демократическая роль публичной политической сферы.

⁸ *Habermas J. Strukturwandel der Öffentlichkeit: Untersuchungen zu einer Kategorie der bürgerlichen Gesellschaft. Frankfurt a. M., 1962. S. 42–76.*

⁹ *Канеман Д. Думай медленно... решай быстро. М., 2013.*

Татьяна Вайзер Другой Хабермас?

«Структурная трансформация публичной сферы», опубликованная ровно за 60 лет до выхода этой книги, положила начало долгой традиции концептуализации публичной сферы, в рамках которой этот концепт был как разнообразно использован для описания современных демократических обществ, так и получил расширительные толкования, вызвал критику и спровоцировал появление альтернативных или контрпонятий. Концепт выдержал 60 лет продуктивных дискуссий, стал базисом для многих исследований или отправной точкой для развития критических теорий. В рамках этой ризоматической традиции критики возникли такие понятия, как контрпубличность (*Gegenöffentlichkeit*), контрпублики, альтернативная публичность и альтернативные публики, множественные (пересекающиеся) публичности и т. д.¹⁰

За 60 лет Хабермас написал 46 крупных работ. К особенностям его как одного из наиболее цитируемых сегодня философов относится то, что он внимателен к своим оппонентам и критикам, читает их и отвечает им на страницах своих книг, вернее, строит рассуждения с учетом их критики, даже если он с ней не согласен. Одним из последних примеров этому стала книга «Диалектика секуляризации. О разуме и религии» (2006), построенная в виде диалога между Хабермасом как представителем рационально-ориентированной логико-прагматической европейской мысли и Йозефом Ратцингером, Папой Римским Бенедиктом XVI как представителем христианской религии в постсекулярной традиции¹¹.

Итак, 60 лет спустя Хабермас возвращается к пояснению роли публичной сферы в новых условиях современных демократий. И здесь нам хотелось бы обратить внимание читателей на три момента, в которых, порой едва заметно, выражается смена акцентов или смена ракурса от «прежнего» Хабермаса к Хабермасу «новому». Пусть это будут три взаимосвязанных понятия, через которые эту разницу можно проследить: *нормативная теория*, *консенсус* и *опыт*.

«Структурная трансформация публичной сферы» 1962 года давала возможность говорить о нормативной теории публичной сферы, основанной на фундаментальной реконструкции становления культурно-исторических форм публичной жизни в европейских буржуазных городах Нового времени. Публичная сфера в этой нормативной теории становится основой для будущих (то есть современных нам) демократий: она воплощает собой принципы открытости, доступности, дискурсивности, инклюзии (включения), предполагает способность к рациональной коммуникации, обмену мнениями и в идеале создает условия для достижения консенсуса и формирования общественного мнения, которое, в свою очередь, влияет на политические процессы и принимаемые решения.

В новой книге Хабермас уточняет, что имело бы смысл говорить не о нормативной теории (или «идеальной теории», как у Ролза), а о реконструкции разумного содержания *практик*. Это важное уточнение, позволяющее увидеть Хабермаса не как автора идеальных конструктов, для которых эмпирические реалии (весьма избирательные, как замечают его критики) дают только подтверждение, но как более практически «заземленного» автора, который выводит из практик их рациональный (и рационализирующий) потенциал. Таковой он видит в целом задачу демократической теории – быть не «готовой» нормативной теорией, но *рациональной реконструкцией* из уже действующих практик *принципов*, которые должны определять контуры нашей общественной жизни.

¹⁰ Подробнее об истории рецепции и критики Хабермаса см.: *Атмашев Т., Велижнев М., Вайзер Т.* 200 лет опыта: от буржуазной публичной сферы к российским режимам публичности // *Несовершенная публичная сфера: история режимов публичности в России.* М., 2021. С. 5–84.

¹¹ *Хабермас Ю., Ратцингер Й.* Диалектика секуляризации. О разуме и религии. М., 2006.

Концептуализация публичной сферы 1962 года представляла собой попытку реконструкции условий, при которых рациональная дискуссия становилась возможна. На основании этого Хабермас предлагал рациональную аргументацию как способ достижения консенсуса по общественно-значимым вопросам. Консенсус виделся желаемым идеалом и итогом политической дискуссии, в ходе которой решаются конфликтные притязания на значимость. В новой книге Хабермас уточняет, что консенсус есть не с только желаемая конечная (ибо он вряд ли достижим в современном плюралистическом обществе), сколько «интуитивно искомая» точка, а его отсутствие «*a fortiori* должно компенсироваться совместным формированием общественного мнения и политической воли». Иными словами, из несомненной цели он превращается в желаемое, не-столь-уж-возможное или фактически отсутствующее. Это важное уточнение и отклик на критику бельгийского философа Шанталь Муфф, отчасти в полемике (и в несогласии) с которой написана новая книга¹².

В новой книге есть фрагмент, в котором Хабермас, в целом не соглашаясь с Муфф, все же отдает ей дань, уточняя, что в логике поиска консенсуса заложен агональный характер: «Мысль о том, что политические дискуссии также *ориентированы на достижение* согласия (*Einverständnis*), часто понимается неверно. Она ни в коем случае не подразумевает идеалистического представления о демократическом процессе как о безмятежной беседе. Напротив, можно допустить, что ориентация разумных участников дискуссии на истинность или правильность своих аргументированных убеждений только распаляет политические споры и придает им принципиально *агональный характер*. Тот, кто аргументирует свое мнение, тот спорит, оспаривает (*widerspricht*). Эпистемический потенциал взаимно оспариваемых мнений раскрывается только через право, даже поощрение сказать друг другу „нет“ (*reziproke Neinsagen*), ибо предназначение спора – в развитии способности его участников корректировать себя, без взаимной критики они не смогут учиться друг у друга»¹³. Разумеется, в агональном понимании публичной сферы у Муфф не заложена идея того, что участники будут учиться друг у друга, то есть признавать рациональный и более убедительный характер аргументов противника, иначе они просто не будут агонистами. Однако эта цитата дает нам важный инсайт в логику аргументации, в диалектике которой Хабермас усматривает возможность раскрытия эпистемического потенциала: отрицание, несогласие собеседника необходимо для раскрытия полноты смысла собственных убеждений.

В 2012 году выходит статья С. Уайта и Э. Р. Фарра «„No-Saying“ в теории Хабермаса». Авторы пишут, что коммуникативную парадигму Хабермаса обычно рассматривают как машину по производству согласия, где консенсус (*yes-saying*) доминирует. За это его, собственно, и критикуют, недостаточно глубоко вчитываясь. Напротив, если реконструировать истинное (этическое и эпистемическое) значение *no-saying* в его коммуникативной парадигме, то окажется, что диссенсус и агонизм являются неотъемлемой частью его демократической теории¹⁴. Иными словами, коммуникация у Хабермаса – это *процесс* взаимного оспаривания и возможность/право всегда сказать «нет». «В какофонии противоречащих друг другу мнений, выплескиваемых в публичную сферу, – пишет Хабермас в новой книге, – предполагается только одно – согласие в отношении принципов общей конституции, которая узаконивает все остальные споры. На фоне этого консенсуса весь демократический процесс представляется *потоком диссенсусов* (разногласий), вновь и вновь возбуждаемым нацеленным на истину поиском рационально приемлемых решений». В этой цитате хорошо видно, как меняется его словарь со временем. Если в ранние (1960–1980-е) годы Хабермас говорит в основном

¹² См., например: *Mouffe Ch. On the political*. London; New York, 2005.

¹³ Здесь и далее в цитатах опущены некоторые курсивы Хабермаса, которые будут воспроизведены в самом тексте книги, и добавлены мои. – Т. В.

¹⁴ *White K. S., Farr E. R. «No-Saying» in Habermas // Political Theory*. 2012. Vol. 40. № 1. P. 32–57.

о логико-прагматической морально-ориентированной коммуникации (устойчивая ценностная установка), необходимой для достижения консенсуса (цель), то в книге 2022 года его понятия «смягчаются», становятся более подвижными и сопряженными с изменчивыми жизненными процессами: *поток диссенсусов* (во множественном числе), *вновь и вновь возбуждаемых, поиск*, и далее по тексту: *динамика продолжающегося несогласия...* и т. д. Иными словами, перед нами уже не только устойчивая рациональная абстрактно-логическая (дис)позиция достижения консенсуса (каковой она, если следовать Уайту и Фарру, никогда и не была), но и живой изменчивый процесс жизненного опыта.

В 2000-е годы американский политический философ и феминистка Айрис Марион Янг, называя себя одновременно продолжателем и критиком Хабермаса, разрабатывает модель *коммуникативной демократии*. Эта модель предполагает, что политически значимой является (и должна быть признана) не только рациональная аргументация допущенных в публичную сферу участников, как у Хабермаса, но и альтернативные форматы коммуникации: гражданские форумы, уличные перформансы, протесты, фольклор и т. д. За счет этого – через репрезентацию в публичной сфере – происходит включение ранее маргинализованных групп населения в активные политические процессы¹⁵. «Расширение идеи коммуникативной демократии от формальных мест обсуждения, таких как парламенты, залы суда и залы слушаний, до улиц, площадей, церковных приходов и театров гражданского общества требует от нас включения в демократическую коммуникацию альтернативных видов речи и взаимодействия в дополнение к производству и обмену аргументацией»¹⁶, – пишет она. В то время как ранний Хабермас относил эстетическое выражение к сфере перформативного действия, а ставку в достижении консенсуса делал на логико-прагматическое рационально-ориентированное коммуникативное действие, Янг взывала признать в качестве значимой политической коммуникации *риторику* как способ для маргинализованных групп привлечь внимание к существующей в обществе несправедливости. Отсюда и совершенно разные и даже в чем-то противоположные образы публичной сферы: публичная сфера как сфера рациональной аргументации (Хабермас) и публичность как сфера разных модальностей коммуникативного выражения и перформативного действия (Янг)¹⁷.

В новой книге Хабермас пишет: «Коммуникационная сеть (медиа, Интернет. – Т. В.) гражданского общества функционирует как своего рода система раннего предупреждения, которая вбирает критический опыт из частных сфер жизни, перерабатывает его в *протестные голоса* и передает в политическую публичную сферу. Поскольку общественные движения, в которых может накапливаться протест, – это особый случай, то чем спонтанней прозвучат из-за кулис гражданского общества *неотрежиссированные голоса* на фоне благозвучно сформулированных деклараций других политических акторов, тем больше вероятность того, что они будут услышаны. Нарративы, как и выражаемые в них *аффекты* и *желания*, имеют понятное пропозициональное содержание, а мощная *риторика* по-прежнему остается одним из наиболее традиционных средств на долгом пути к тому, чтобы проблема привлекла к себе надлежащее внимание СМИ и попала в повестку дня какого-нибудь влиятельного учреждения». Необходимость быть услышанным и риторика, стиль как способ привлечь внимание в ином

¹⁵ Еще Фрэйзер в статье 1990 года упрекала Хабермаса в невнимании к недискурсивным, нетекстуальным формам репрезентации в публичной сфере альтернативных публик (таких, например, как революционные плакаты, слоганы и т. д.). См.: Fraser N. Rethinking the Public Sphere: A Contribution to the Critique of Actually Existing Democracy // Social Text. 1990. № 25/26. P. 56–80.

¹⁶ Young I. M. Inclusion and Democracy. Oxford, 2000. P. 168. См. также: Young I. M. Justice and Communicative Democracy // Radical Philosophy: Tradition, Counter-Tradition, Politics. Philadelphia, 1993.

¹⁷ Хотя еще в 1985 году Хабермас пишет, что право на протест должно являться неотъемлемой частью современной зрелой демократии. См.: Habermas J. Civil Disobedience: Litmus Test for the Democratic Constitutional State // Berkeley Journal of Sociology. 1985. Vol. 30. P. 95–116. Именно на эту «анархическую» статью ссылаются Уайт и Фарр, говоря о том, что Хабермаса недостаточно внимательно читают.

случае «глухого» к проблемам несправедливости общества – и есть то, о чем мечтала Янг, модель коммуникативной демократии, которой до сих пор противопоставлялась чисто рационально-аргументативной (переговорной) демократии Хабермаса. «Стиль... и есть аргумент», – скажет на этот раз Хабермас.

Язык Хабермаса иногда смягчается (или, напротив, радикализуется) вплоть до того, что способность занимать позицию в дискуссии называется анархической¹⁸: «Институционализация высвободившейся анархической способности „говорить нет“ (*Neinsagens*) в публичных дебатах и избирательных кампаниях, в партийных спорах и дискуссиях в парламенте и его комитетах, в совещаниях правительства и судов требует лишь предварительного политического согласия всех участников относительно главной интенции их конституции». Но что значит «высвободившейся»? откуда или из чего? Означает ли это, что устойчивые консенсуальные диспозиции (власть авторитетных институтов или не делиберативным образом сформированное общественное мнение) этот потенциал сдерживали? И что этот язык значит в целом для того «Хабермаса», которого мы знали как предельно рационального философа, благодаря кому было актуализировано значение рационально-ориентированной политической дискуссии, делиберативной процедуры (регламента ведения дискуссии) и т. д.?

Ответ на этот вопрос дает нам обращение к третьему из выбранных нами понятий – *опыт*. Еще в 1972 году Оскар Негт и Александр Клюге пишут работу «Публичная сфера и опыт. К анализу буржуазной и пролетарской публичной сферы». Выстраивая свое высказывание как систематическую критику хабермасовского концепта «буржуазной публичной сферы», Негт и Клюге добавляют к ее концептуализации важное измерение – *опыта* (*Erfahrung*): что представляет собой социальный опыт, как, кем, с какими целями конституируется его социальный горизонт и т. д. Внимание к опыту позволяет им выстроить образ *пролетарской публичной сферы, контрпубличности* (*Gegenöffentlichkeit*), противостоящей равно классической буржуазной и индустриально-коммерческой публичным сферам. Опыт, в их понимании, синонимичен открытости, включенности, разнородности, непредсказуемости, текучести, противоречивости, конфликтности, процессуальности, – иными словами, всему тому, в чем трудно было бы заподозрить Хабермаса (если брать понятия Негта и Клюге в тех значениях, в каком они себя ему противопоставляют¹⁹).

В новой книге Хабермаса читаем следующее: «Мы не должны забывать о главном, от чего в конечном счете зависит судьба демократии: с нормативной точки зрения, институт формирования общественной воли должен реально работать таким образом, чтобы конституционный консенсус избирателей время от времени *подтверждался опытом*». Опыт здесь, разумеется, не имеет того же смысла, в котором его более систематически понимали Негт и Клюге, противопоставляя его рациональному дискурсу буржуазной публичной сферы Хабермаса, однако это – заметное смещение акцента в разговоре последнего о нормативной теории: консенсус должен/может проверяться, подтверждаться или опровергаться *опытом*; «критический *опыт* из частных сфер жизни» накапливается в протестный потенциал; «заслуживающими доверия остаются только те необходимые идеальные ожидания, которые граждане связывают со своим *опытом*» и т. д. Эта линия соотнесенности с опытом теперь звучит гораздо отчетливее.

Образ публичной сферы, который Хабермас дает в новой работе, еще в очень большой степени идеализирован: участники публичной сферы – это по-прежнему максимально рациональные субъекты, мыслящие в понятиях отказа от собственных интересов в пользу общего

¹⁸ Хотя еще в «Фактичности и значимости» можно встретить «анархическую структуру публичной сферы» (S. 374); «головное окружение анархической безграничной коммуникативной свободы», на базе которой только и достигается консенсус, свободный от внешнего принуждения (S. 228–229) и т. д. См.: *Habermas J. Faktizität und Geltung. Beiträge zur Diskurstheorie des Rechts und des demokratischen Rechtsstaats*. Frankfurt a. M., 1992.

¹⁹ См. подробнее в: *Negt O., Kluge A. Öffentlichkeit und Erfahrung. Zur Organisationsanalyse von bürgerlicher und proletarischer Öffentlichkeit*. Frankfurt a. M., 1993.

блага, потенциально готовые дать себя переубедить «лучшим аргументом», несущие ответственность перед теми, чьи мнения в политической борьбе оказываются не в выигрыше и т. д. Однако Хабермас, его язык, оптика, ракурс уже немного другой. И эти слегка или ощутимо сместившиеся акценты – дань порожденной им же критики, которую он всегда и неизменно читает, во внимательном диалоге с которой пишет свои работы вот уже более 60 лет.

Предисловие

Я признателен своим коллегам Мартину Зелигеру и Себастьяну Севиньяни, которые в последней своей работе заговорили о необходимости «новой» структурной трансформации публичной сферы и этим побудили меня вернуться к старой теме, несмотря на то, что я уже давно занимаюсь другой проблематикой и читаю публикации на данную тему. Поэтому материалы, которые коллеги собрали для специального выпуска журнала «Левиафан»²⁰, позволили мне ознакомиться с состоянием профессиональной дискуссии на эту тему. Я хотел бы поблагодарить коллег – авторов сборника за это полезное чтение.

Меня не удивляет, что сегодня эта тема вызывает широкий интерес. Поэтому я решил сделать собственную статью в упомянутом сборнике доступной для более широкой аудитории, несколько изменив форму. Я дополнил свой текст двумя разъяснениями концепции делиберативной политики, которая связана с просвещенным формированием демократической воли в политической публичной сфере. Это сокращенная версия моего интервью, взятого для «Оксфордского справочника по делиберативной демократии»²¹, и переработанное предисловие к сборнику интервью на ту же тему под редакцией Эмили Праттико²².

²⁰ *Seeliger M., Seignani S.* (Hg.) Ein erneuter Strukturwandel der Öffentlichkeit? Baden-Baden, 2021 (Leviathan. 2021. Nr. 37. Jg. 49).

²¹ *Habermas J.* Interview // Bächtiger A., Dryzek J. S., Mansbridge J., Warren M. E. (eds.) The Oxford Handbook of Deliberative Democracy. Oxford, 2018. P. 871–883.

²² *Habermas J.* Foreword // Prattico E. (Hg.) Habermas and the Crisis of Democracy. Interviews with Leading Thinkers. London, 2022.

Размышления и гипотезы о новой структурной трансформации политической публичной сферы

Как автор книги «Структурная трансформация публичной сферы»²³, вышедшей шесть десятилетий назад и послужившей Мартину Зелигеру и Себастьяну Севиньяни отправной точкой в начатой ими дискуссии²⁴, я хотел бы сделать два замечания. С точки зрения продаж эта книга, хотя и была первой, до сих пор остается самой успешной из всех моих книг. Другое соображение касается того, что, как я предполагаю, стало причиной столь необычайной ее популярности: книга представила социально-исторический срез «публичной сферы» и описала историю самого этого понятия, чем вызвала шквал критики, но и дала новый импульс более широким историческим исследованиям. Историческая сторона нас на сей раз не интересует. Но для социальных наук политическое понятие публичной сферы таким образом было встроено в более широкий социально-структурный контекст. До этого термин утратил строгость употребления, поскольку оказался в понятийном поле, связанном с «общественным мнением», которое со времен Лазарфельда²⁵ понималось демоскопически. Теперь же публичная сфера может быть рассмотрена с точки зрения ее функционального вклада в интеграцию общества и, в особенности, в политическую интеграцию граждан²⁶. Хотя я осознаю, что для конституционных режимов публичная сфера – это социальный феномен, который выходит далеко за рамки функционального вклада в формирование демократической воли в конституционных режимах²⁷, позднее я рассматривал этот феномен и с точки зрения политической теории²⁸. В предлагаемом тексте я отталкиваюсь от функции, которую выполняет публичная сфера для сохранения поддержания совместной демократической жизни (*des demokratischen Gemeinwesens*).

Сначала я рассмотрю отношения между нормативной и эмпирической теорией (1), затем объясню, как мы должны понимать демократический процесс с точки зрения делиберативной политики после его институционализации в условиях индивидуалистического и плюралистического общества (2), и, наконец, напомним о необходимых условиях стабильности, которые маловероятны в подверженной кризисам капиталистической демократии (3). В этих теоретических рамках, для которых книга «Структурная трансформация» 1962 года стала подготовительной социально-исторической работой, я описываю цифровую трансформацию медиа и их влияние на политический процесс. Технологический прогресс цифровой коммуникации пона-

²³ Рус. пер.: Хабермас Ю. Структурное изменение публичной сферы. М., 2016. – Прим. ред. (Здесь и далее пометой «прим. ред.» обозначены комментарии Сергея Кокурина.)

²⁴ См. выше прим. 1 на с. 21 наст. изд.

²⁵ Пол Лазарфельд (1901–1976) – американский социолог, один из основоположников эмпирической социологии; результаты его исследований, в частности, повлияли на развитие социологической теории электорального поведения. На русский язык переведена его книга «Выбор народа: как избиратель принимает решение в президентской кампании» (Ульяновск, 2018). – Прим. ред.

²⁶ Ср.: Peters B. Die Integration moderner Gesellschaften. Frankfurt a. M., 1993; *Idem*. On Public Deliberation and Public Culture: Reflections on the Public Sphere // Wessler H. (ed.) Public Deliberation and Public Culture. The Writings of Bernard Peters. London, 2008. P. 134–159; с этой точки зрения см. также: Wessler H. Habermas and the Media. Cambridge, 2018.

²⁷ Взгляд со стороны на взаимоотношения между политической и литературной публичными сферами см.: Habermas J. Warum nicht lesen? // Wagner F., Raabe K. (ed.) Warum Lesen. Berlin, 2020. P. 99–123.

²⁸ Глава о роли гражданского общества и политической публичной сферы в «Фактичности и значимости» является продолжением размышлений, изложенных в последней главе «Структурного изменения публичной сферы» и прежде всего в предисловии к новому изданию 1990 года: Habermas J. Faktizität und Geltung. Beiträge zur Diskurstheorie des Rechts und des demokratischen Rechtsstaats. Frankfurt a. M., 1992. P. 399–467; *Idem*. Strukturwandel der Öffentlichkeit. Untersuchungen zu einer Kategorie der bürgerlichen Gesellschaft [1962]. Frankfurt a. M., 1990. Последняя работа на эту тему: Habermas J. Does Democracy Still Have an Epistemic Function? Empirische Forschung und normative Theorie // *Idem*. Ach, Europa. Frankfurt a. M., 2008. P. 177–191. Перепечатано в: Habermas J. Philosophische Texte. Studienausgabe in fünf Bände. Frankfurt a. M., 2009. Bd. 4: Politische Theorie. P. 87–139.

чалу ведет к стиранию границ, но также и к фрагментации публичной сферы. Новые медиа – это платформы, которые рядом со сферой публичного высказывания редакций возводят коммуникационное пространство, где читатели, слушатели и зрители могут спонтанно выступать в роли авторов (4). Представление об охвате новых медиа дают результаты лонгитюдных исследований фактического использования различных новых медиа. Если пользование Интернетом за последние два десятилетия стремительно распространилось, а телевидение и радио более или менее сохранили размеры своих аудиторий, то спрос на печатные газеты и журналы резко упал (5). Рост новых медиа происходит на фоне коммерческого использования интернет-коммуникации, которая до сих пор практически не регулируется. С одной стороны, это чревато тем, что традиционные газетные издательства и журналисты как авторитетная профессиональная группа лишатся экономической основы; с другой стороны, эксклюзивные пользователи социальных сетей, похоже, предпочитают придерживаться полупубличной, фрагментарной и замкнутой в себе коммуникации, которая искажает их *восприятие политической публичной сферы* как таковой. Если это предположение верно, растет число граждан, применительно к которым под угрозой оказывается важная субъективная предпосылка для того, чтобы мнения и воля формировались более или менее делиберативным образом (6).

1

В работах, посвященных роли политической публичной сферы в демократических конституционных режимах, мы обычно проводим различие между эмпирическими исследованиями и нормативными теориями (Джон Ролз говорит об «идеальной теории»). Я считаю чрезмерно упрощенной такую альтернативу. По моему мнению, теория демократии должна рационально реконструировать разумное содержание тех норм и практик, которые обрели позитивную значимость (*Positivität der Geltung*) со времен конституционных революций конца XVIII века и, таким образом, стали частью исторической реальности. Стоит обратить внимание уже на то, что эмпирические исследования демократических процессов формирования мнения теряют свою злободневность, если их не истолковывать *также* и в свете нормативных *требований*, которым они должны удовлетворять в демократических государствах. Однако здесь требуется краткий исторический экскурс, поскольку новый *нормативный перепад* (*Gefälle*) вошел в сознание граждан, а значит и в саму *социальную реальность* только с теми революционными актами, благодаря которым основные права обрели позитивную значимость.

Эта нормативность конституционных порядков, основанная на фундаментальных правах, характеризуется особой радикальностью, поскольку «ненасытна» и постоянно подрывает статус-кво. Она представляет собой исторический факт, новизну которого проще всего понять в сравнении с привычной общественной нормативностью. Общественные явления, будь то действия, коммуникационные потоки или артефакты, ценности или нормы, обычаи или институты, соглашения или организации, имеют характер правил. Это проявляется в возможности девиантного поведения – правила можно соблюдать или нарушать. Существуют различные типы правил: логические, математические, грамматические правила, правила игры, а также инструментальные и социальные правила действия, среди которых, в свою очередь, различают стратегические и нормативно-регулируемые взаимодействия. Именно эти последние нормы отличаются особым модусом значимости – модусом долженствования (*Geltungsmodus des Sollens*)²⁹. Такие нормативные поведенческие ожидания, как показывает характер санкций за девиантное поведение, могут предъявлять к нам *более или менее строгие* требования, причем наиболее строгие требования выдвигает мораль. Универсалистская мораль, появившаяся

²⁹ Однако социологические теории обычно выбирают концептуальный подход, который игнорирует когнитивный смысл этого фактора значимости и сводит принуждающий эффект к угрозе санкций.

вместе с мировоззрениями осевого времени³⁰, характеризуется тем, что в основе своей требует равного отношения ко всем людям. В эпоху европейского Просвещения этот морально-познавательный потенциал отделился от своих религиозных и идеологических истоков и обособился настолько, что – в соответствии с кантовским постулатом, который актуален и сегодня, – каждый человек в своей неотчуждаемой индивидуальности заслуживает одинакового уважения и *должен* получать одинаковое обращение. Согласно этому пониманию, поведение каждого человека с учетом его индивидуальной ситуации должно оцениваться именно по общим нормам, которые – с дискурсивно обоснованной точки зрения всех, кого это может коснуться, – в равной степени хороши для всех.

В нашем контексте представляет интерес определенное социологическое следствие этого развития: необходимо вспомнить неслыханную радикальность морали, основанной на разуме (*Vernunftmoral*), чтобы представить себе высоту, на которую забрался этот эгалитарно-индивидуалистический универсализм в своих притязаниях на значимость, а затем, переместив взгляд с *морали*, основанной на разуме, на рационально основанное *право*, вдохновленное этой моралью, понять историческое значение того факта, что после первых двух конституционных революций³¹ этот радикальный морально-познавательный потенциал образовал ядро обеспеченных государством основных прав (*Grundrechte*), а тем самым и позитивного права в целом. С «провозглашением» конституционных прав и прав человека главное содержание основанной на разуме морали переместилось в сферу императивного конституционного права, возведенного на базе субъективных прав. Благодаря этим *исторически беспрецедентным* актам, установившим в конце XVIII века демократические конституционные порядки, в политическом сознании свободных и равных перед законом граждан укоренилось *доселе неизвестное* напряжение нормативного перепада (*Gefälle*). Поощрение нового нормативного самосознания идет рука об руку с новым историческим сознанием, исследованным Райнхартом Козеллеком, которое активно обращено в будущее, – это полная трансформация сознания, вписанная в параллельную капиталистическую динамику изменений социальных условий жизни, ускоренную техническим прогрессом. Между тем эта динамика скорее породила в западных обществах ощущение подавленности и связанное с ним оборонительное сознание в ответ на технологически и экономически обусловленный рост социальной сложности. Но продолжающиеся до сих пор социальные движения, которые проникнуты сознанием неполной включенности угнетенных, маргинализированных и оскорбленных, страдающих, эксплуатируемых и обездоленных групп, социальных классов, субкультур, гендерных групп, этносов, наций и континентов, напоминают нам о перепаде между позитивной значимостью и все еще *ненасыщенным содержанием* прав человека, которые теперь «провозглашаются» уже не только на национальном уровне³². Таким образом, и в этом смысле моего отступления, одно из необходимых условий

³⁰ Термин, предложенный немецким философом Карлом Ясперсом (1883–1969) для обозначения исторической эпохи (800–200 годы до н. э.), в течение которой произошел переход от мифологического мировоззрения к рациональному. – *Прим. ред.*

³¹ Имеются в виду Французская и Американская революции, установившие конституционную форму правления. – *Прим. ред.*

³² Текст французской Конституции 3 сентября 1791 года начинается с перечня, в котором выделены *естественные и гражданские* права. При этом в нем учитывается временное несоответствие между существующим объемом общегражданских прав и пока еще не реализованным притязанием на значимость «естественных» прав, которые простираются далеко за пределы территориальных границ французского государства и на которые имеют равное право все люди в силу своей принадлежности к человеческому роду. Парадоксальным образом, однако, права человека и гражданина, закрепленные в позитивном законе в качестве основных прав, сохраняют значение универсальных прав даже в пределах национальных границ и тем самым напоминают живущим и будущим поколениям если не о личном обязательстве активно распространять эти права, то, по крайней мере, о своеобразии *нормативно избыточного* содержания универсальных прав человека, выходящих за рамки временного характера их *пока еще* территориально ограниченного действия. Моральный избыток также оставляет следы все еще неудовлетворенного нормативного содержания в значимых основных правах; они выдают напряженный характер еще не насыщенной нормы. Отсутствие «насыщения» касается *временного* аспекта *исчерпания* неопределенно избыточного содержания общепризнанных основных прав, которое еще не исчерпано в политическом сообществе и должно быть конкретизиро-

существования демократического сообщества состоит в том, чтобы граждане сознавали себя вовлеченными в процесс непрерывной реализации еще не реализованных, но уже позитивно значимых основных прав.

Помимо этих долгосрочных процессов реализации основных прав, меня интересует *обычный случай* естественно возникающих *идеализаций* (*Idealisierungen*), которые в демократическом сообществе связаны со статусом свободных и равных граждан; ведь *участвовать* в общих гражданских практиках мы можем, не иначе как интуитивно (и вопреки фактам) *предполагая*, что гражданские права, которыми мы пользуемся, в целом обеспечивают то, что они обещают. Для стабильности политической системы нормативное ядро демократической конституции должно быть укоренено в гражданском сознании, то есть в личных убеждениях самих граждан. Не философы, а подавляющее большинство граждан, мужчин и женщин должны быть интуитивно уверены в принципах конституции. С другой стороны, они также должны быть *уверены* в том, что их голоса учитываются одинаково на демократических выборах, что законодательство и судопроизводство, действия правительства и административных органов *grosso modo*³³ правомерны и что всегда есть справедливая возможность пересмотреть сомнительные решения. Даже если эти ожидания суть *идеализации*, которые иногда в большей, иногда в меньшей степени расходятся с реальной практикой, они, отражаясь в суждениях и поведении граждан, создают социальные факты. Проблематичными в этой практике становятся не идеализированные установки, которые требуются от участников, а доверие к институтам, которые не должны явно и постоянно противоречить этим идеализациям. Безрассудное требование Трампа³⁴ вряд ли нашло бы желаемый отклик в ярости его избирателей, штурмовавших Капитолий 6 января 2021 года, если бы политические элиты на протяжении десятилетий не обманывали легитимные, гарантированные конституцией ожидания значительной части своих граждан. Поэтому политическая теория, соответствующая подобному типу правового государства, должна отдавать должное обоим требованиям: как своеобразному *идеализирующему избытку* морально содержательного правового порядка, который позволяет гражданам осознать свою причастность к демократически легитимному правлению, так и социальным и институциональным условиям, при которых заслуживающими доверия остаются только те необходимые идеализации, которые граждане связывают со своим опытом.

Таким образом, теория демократии отнюдь не обязана ставить перед собой задачу разработать принципы справедливого политического порядка, то есть *спроектировать* и обосновать их, чтобы представить гражданам в дидактических целях; иными словами, ее не нужно воспринимать как нормативно *проектирующую* теорию. Скорее, ее задача – *рационально реконструировать* такие принципы из нормативно значимого права и соответствующих интуитивных ожиданий и представлений граждан о легитимности. Она должна раскрыть основной смысл исторически *сложившихся* и *проверенных*, то есть достаточно устойчивых конституционных порядков и объяснить их предпосылки, которые действительно могут придать фактически действующей власти законную силу в сознании граждан, а значит и обеспечить их вовлеченность³⁵. Сам факт того, что политическая теория в той мере, в какой она реконструирует *неявные предпосылки сознания* граждан, участвующих в политической жизни, может, в свою очередь, *формировать* их нормативное самосознание, не более необычен, чем роль академической современной истории, со своей стороны оказывающей перформативное влияние на продолжение исторических событий, которые она в каждом конкретном случае представляет. Это не делает

вано, а также *пространственного* аспекта глобальной имплементации прав человека, также все еще ожидаемой.

³³ Приблизительно, в общих чертах (лат.). – Прим. пер.

³⁴ Имеется в виду требование Трампа аннулировать результаты президентских выборов 2020 года, на которых он потерпел поражение. – Прим. ред.

³⁵ Ср.: Gaus D. Rationale Rekonstruktion als Methode politischer Theorie zwischen Gesellschaftskritik und empirischer Politikwissenschaft // Politische Vierteljahresschrift. 2013. Vol. 54. № 2. P. 231–255.

ее политической дидактикой по сути. Вот почему для меня делиберативная политика – не надуманный идеал, в соответствии с которым мы должны оценивать обыденную реальность, а скорее необходимое условие существования в плюралистических обществах любой демократии, заслуживающей этого названия³⁶. Потому что чем более разнородны социальные обстоятельства, культурные уклады и индивидуальные стили жизни общества, тем в большей степени отсутствие *a fortiori*³⁷ *действенного* исходного консенсуса должно компенсироваться совместным *формированием* общественного мнения и политической воли.

Классические теории, истоки которых восходят к конституционным революциям конца XVIII века, можно было понимать как нормативные проекты для установления демократических конституций. Но политическая теория, которая сегодня может просто принять к сведению, что вместе с избытком, который создает идея демократической конституции, в *реальность* *самых* современных обществ проникает *напряжение* между позитивной значимостью императивных конституционных норм и конституционной *реальностью*, способное вызвать и в наше время в случаях резко выраженного диссонанса массовую протестную мобилизацию, такая политическая теория должна осознать, что ее задача – *реконструкция*. Очевидно, что и республиканская, и либеральная теоретические традиции искажают саму эту идею, *односторонне* отдавая приоритет либо *народному суверенитету*, либо *верховенству закона* и упуская из виду, что индивидуально реализуемые субъективные свободы и intersубъективно осуществляемый народный суверенитет возникают одновременно. Ведь идея обеих конституционных революций состояла в создании *независимой* ассоциации *свободных субъектов права*, которые, будучи демократическими созаконотателями, в конечном счете сами обеспечивают себе свободу через *равное распределение полномочий в соответствии с общими законами*. Согласно этой идее коллективного самоопределения, объединяющей эгалитарный универсализм всеобщего равноправия с индивидуализмом каждой личности, *демократия* и *правовое государство* равновелики. Этому замыслу отвечает только теория дискурса, построенная вокруг идеи делиберативной политики³⁸.

2

Концепция делиберативной политики, восходящая к раннелиберальному миру идей домартовского³⁹ либерализма, но получившая развитие лишь в условиях социального государства, зарекомендовала себя прежде всего потому, что она объясняет, как в плюралистических обществах, не имеющих общей религии или мировоззрения, вообще возможны политические компромиссы на фоне некоего интуитивно найденного конституционного консенсуса. С секуляризацией государственной власти возникла брешь в легитимации. Поскольку в современных обществах легитимирующей силы веры в божественное призвание правящих *династий* уже недостаточно, демократическая система должна была в определенном смысле легитимировать себя *сама*, а именно стать производящей с опорой на легитимность силой юридически институционализированной *процедуры* демократического формирования общественной воли. На смену религиозным представлениям о легитимности пришли не какие-то новые идеи, а процедура демократического самоутверждения (*Selbstermächtigung*), которая для того, чтобы ее могли осуществлять свободные и равноправные граждане, институционализируется в виде рав-

³⁶ Ср.: Habermas J. Interview (2018).

³⁷ С большей убедительной силой (*лат.*).

³⁸ Ср.: Habermas J. Does Democracy Still Have an Epistemic Function? См. также: Habermas J. Über den internen Zusammenhang von Rechtsstaat und Demokratie // Idem. Philosophische Texte. Bd. 4. P. 140–153.

³⁹ Домартовский, то есть относящийся к историческому периоду после Венского конгресса (1815) и до Мартовской революции (1848) в Германском союзе. – *Прим. пер.*

номерно распределяемых субъективных прав. На первый взгляд, довольно загадочной представляется идея о том, что из этой юридически закрепленной процедуры демократического *формирования общественной воли*, из простой «законности» должна вытекать всенародная *убедительная* «легитимность». В значительной степени это объясняется тем значением, которое эта процедура приобретает в глазах участников политического процесса, – своей убедительностью она обязана невероятному сочетанию двух предпосылок: с одной стороны, процедура требует *включения* в качестве полноправных участников процесса формирования политической воли *всех, кого затрагивают* возможные решения. С другой стороны, она ставит решения, принимаемые демократическим путем, то есть всеми гражданами, в зависимость от более или менее *дискурсивного характера* предшествующих *обсуждений*. Таким образом, инклюзивное формирование общественной воли зависит от *силы обоснований*, к которым апеллируют участники в ходе предварительного *формирования общественного мнения*. *Инклюзия* отвечает демократическому требованию равного участия всех, кто вовлечен в принятие политических решений, в то время как фильтр *делиберации* отвечает ожиданиям разумно выверенных, жизнеспособных политических решений и *гарантирует* презумпцию рационально приемлемого результата. Эта презумпция, в свою очередь, обеспечивается фактическим требованием, чтобы в ходе обсуждений, готовящих к принятию решения большинством голосов, рассматривались по мере возможности все актуальные проблемы, необходимая информация и пригодные альтернативные предложения с аргументами «за» и «против». И именно этим *требованием свободного обсуждения* объясняется центральная *роль политической публичной сферы*⁴⁰. Впрочем, это отвлеченное соображение находит историческое подтверждение в том, что сначала в Англии, затем в США, во Франции и других европейских странах одновременно с либеральной демократией образовалось нечто вроде «буржуазной публичной сферы».

⁴⁰ Зелигер и Севиньяни определяют эту роль с точки зрения прозрачности официальной деятельности, общей информированности граждан и права публично высказываться по тем или иным злободневным вопросам. См.: *Seeliger M., Sevignani S. Zum Verhältnis von Öffentlichkeit und Demokratie. Ein neuer Strukturwandel?* Baden-Baden, 2021. S. 11.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.